

«У него лицо сильного, жесткого человека. Он и есть сильный и жесткий человек. У него одна лишь ахиллесова пята: он добр до сентиментальности. Правда, почти весь он состоит из этой ахиллесовой пяты. Ею может пользоваться каждый. И пользуется. (Но лицо у него такое, что не всякий решится подойти. У него взгляд дикого человека из горных ущелий.)»

На этом литературном портрете «кисти» драматурга Александра Володина запечатлен известный кинорежиссер Георгий Данелия. Портрет соответствует действительности. Георгий Данелия очень немногословен, скуп на слова и жесты. Взгляд — пронизывающе-жесткий. Но вдруг в его речи совершенно неожиданно прорываются такие озорные ноты, что всем, кто рядом, словно смешинка в рот попадает. И лицо этого человека, придумавшего жанр лирической комедии, становится симпатичным и чуточку беззащитным. Недаром его фильмы называют «лекарством от стрессов».

Так получилось, что нашу беседу мы начали с разговора о корнях. Обязан ли Данелия только себе тем, что сумел так талантливо, почти как Гоголь, видеть смешное сквозь слезы? Или к этому приложили руки родители?

— Я родился в Тбилиси, — вспоминает Георгий Николаевич, — а отец работал в это время на Сахалине, строил мосты. Потом мы переехали в Москву, и с тех пор, а мне тогда было лет девять, я уже чувствовал себя москвичом. Как-то очень быстро проникся атмосферой города, нашел друзей.

Отец был первоклассным инженером, его пригласили на Метрострой, который очень нуждался в таких специалистах. Опыта в строительстве метро было ноль, начинали почти вслепую, поэтому ставка делалась на квалификацию, знания и организаторское мастерство.

Отец был родом из крестьянской многодетной семьи. Он получил высшее образование благодаря своим старшим братьям. Очень сдержанный, он никогда не проявлял ко мне нежных чувств. Если уж похлопал по плечу, это значило — одобряет. Но я знал, что он очень любил меня. И чувства юмора ему было не занимать. Пятнадцатилетним пацаном меня вместе с другом отравили отдыхать в деревню. Конечно, почуяв свободу, все карманные деньги мы потратили на пиво, дорвались, как говорится. Пришлось посылать домой телеграмму: карман оказался дырявый, просьба выслать денег. Ответное послание было лаконичным: «Зашей карман. Папа».

В годы войны его наградили двумя орденами и дали звание генерала за высокое качество строительства секретных объектов. Я очень им гордился. Но вот в чем весь мой отец: когда ему как орденоносцу и генералу дали дачный участок, то произошло следующее. Конечно, мы всей семьей, включая собаку Бульку, мечтали о даче, проектировали ее. В выходные дни ездили на место, где будет наше будущее загородное гнездышко. Отец даже зашел в долги. И вдруг газеты написали, что было бы справедливо, если бы генералы отдали свои дачи детским садам. И отец решил дачу отдать. Мама согласилась — конечно, отдай, иначе потом будешь мучить себя и нас переживаниями. Правда, добавила, что наш генерал будет единственным, кто это сделает. И не ошиблась.

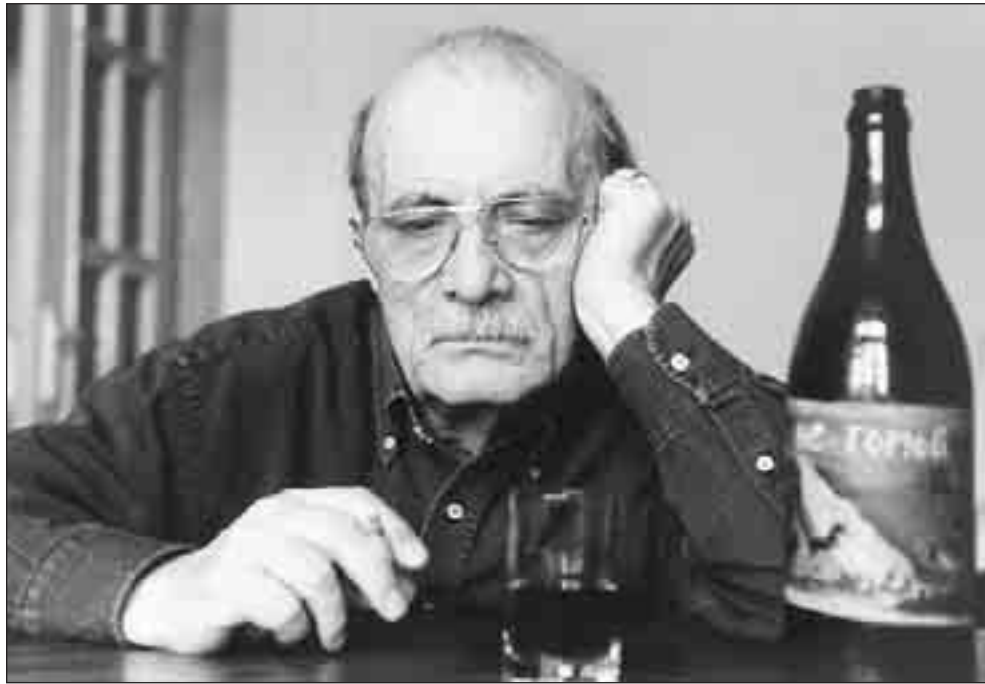
— И все-таки в кино вы, наверное, пришли благодаря вашей маме? Родная сестра знаменитой Верико Анджапаридзе, умная и тонкая женщина, потомок дворянской грузинской семьи, режиссер киностудии «Мосфильм», разве не она зародила в вас интерес к кинотворчеству?

— Мама родилась в Кутаиси в дворянской семье. Ее отец был нотариусом. По-знакомилась мои родители там же, в Кутаиси. Отец учился вместе со средним братом мамы Леваном. Они организовали в гимназии шахматный клуб. И моя мама, которой тогда было всего восемь лет, обыграла вслепую, из другой комнаты, всех членов клуба, мужчин, в том числе и моего отца. Ее брат Леван, не вынеся такого позора, хотел ее отлупить, но мой отец заступился.

Мама очень вкусно готовила, знала литературу, математику, французский, чинила в доме все электроприборы, не пропустила ни одной литературной новинки, ни одной выставки. Работала много, считалась лучшим вторым режиссером на «Мосфильме». Дома у нас всегда было чисто и уютно.

Когда я решил пойти на Высшие режиссерские курсы при «Мосфильме», она грустно спросила: «Ну какой из тебя режиссер? Ты же видел режиссеров, знаешь, какие они». Так уж сложилось, что я действительно видел режиссеров, очень многих и самых лучших. До войны мы

Георгий ДАНЕЛИЯ:

Я ШАГАЮ ПО МОСКВЕ. ДО СИХ ПОР...

Кинорежиссер Георгий Данелия три года назад отпраздновал свое семидесятилетие. На Высшие режиссерские курсы поступил после окончания Московского архитектурного института. Его кинодебют состоялся в 1960 году. Фильм «Сережа», снятый совместно с Игорем Таланкиным, получил главный приз на кинофестивале в Карловых Варах.

Успехом у зрителей пользовался и фильм «Путь к причалу» (по рассказу Виктора Конецкого, 1962 г.). Но настоящую славу принесла режиссеру картина «Я шагаю по Москве». Уже сорок лет она не сходит с экранов и по-прежнему популярна. Вошли в золотой фонд российского кино и «Мимино», «Кин-дза-дза», «Осенний марафон», «Паспорт». Фильм «Не горюй!» был отмечен особым личным призом знаменитого Федерико Феллини. Эта награда — одна из самых дорогих реликвий режиссера.

жили в бараке в Уланском переулке. Центр Москвы, 21 квадратный метр и отдельный вход. Отец был не очень контактным человеком, и у него было лишь несколько близких друзей. В обычные дни он не употреблял, зато в канун выходных звонил с работы и спрашивал: «Шкет, ты помнишь, что сегодня пятница?» Я отвечал, как положено, что помню, но денег нет. Отец отвечал, что деньги под скатертью. Я шел в магазин и покупал водку. В выходные отец мог себе позволить расслабиться в кругу друзей...

Когда же из Тбилиси приезжали Верико и ее муж Чаураели, они привозили вино, всякую домашнюю снедь и звали много гостей. Мама готовила вкусную грузинскую еду, она мгновенно умела накрыть стол хоть на двадцать, хоть на пятьдесят человек, и дальше шло прекрасное застолье с песнями и общением. У нас бывали и Эйзенштейн, и Довженко, и Пудовкин, и Рошаль, и многие другие классики.

— Родители дали вам волю и талант. А кто же был вашим первым учителем?

— Принимал меня на курсы Михаил Калатозов. Потом я работал с Михаилом Роммом, Иваном Пырьевым. Учителем было много, и я всем им благодарен.

— Не своему ли отцу, метрострою, вы обязаны замыслом фильма «Я шагаю по Москве»? Ведь если бы так случилось, что вы сняли только один этот фильм, то все равно навсегда остались бы в истории российского кино...

— Все получилось случайно, это был подарок судьбы. Зашел как-то Гена Шпаликов, сценарист, принес бутылку шампанского в авоське и сказал, что придумал для меня классный сценарий. Дождь, посреди улицы идет девушка босиком, держит туфли в руках. За ней медленно едет парень на велосипеде с зонтом, она уворачивается, а он все едет и улыбается... Я сразу уточнил, что дождик должен быть слепым, при солнце. А дальше мы решили все придумать.

Гена открыл шампанское, оно оказалось теплым и выплеснулось на стену. Он обрадовался: хорошая примета. Мама пятно на стене не очень одобрила — недавно сдела-

ли ремонт. Но через полтора года, после премьеры фильма в Доме кино, она сказала, что не против, чтобы Гена забрызгал шампанским и другую стену, если будет такой же результат.

Меня познакомили с французским продюсером. Он поинтересовался, какие фильмы я снимал. Переводчик перечислил. Услышав о фильме «Я шагаю по Москве», он спросил: это не тот фильм, где идет девушка под дождем, а за ней едет велосипедист?.. Сорок лет прошло с тех пор, как фильм показывали во Франции, а он запомнил именно то, с чего все началось...

— Этот фильм родился очень быстро или «родь» были трудными?

— Дело в том, что над сценарием я всегда работаю очень долго. Но что касается «Я шагаю по Москве», все было по-другому. Мы с Геной Шпаликовым переделывали сценарий не из-за меня, а из-за Никиты Сергеевича Хрущева. На встрече с интеллигентный вождь сказал, что фильм «Застава Ильича» Марлена Хуциева по сценарию Шпаликова идеологически вредный. Три парня и одна девушка шляются по городу и ничего не делают. Ужас: и в нашем сценарии три парня и девушка. И тоже шляются, и тоже Шпаликов.

Худсовет требовал, чтобы я уточнил смысл фильма. Мол, непонятно, о чем он. Я говорил, что о хороших людях, но этого никто не понимал. И потом мы придумали. Почему бы не перепутать писателя с полотором? Полотор у нас оказался литературно подкованным, прочитал рассказ Володи и говорит нам то, что говорят «они». А Володя не соглашается и говорит «им» то, что говорит «им» мы. Это был актерский дебют Владимира Басова, сыграл он великолепно. Мы боялись, что чиновники узнают в «умном» полоторе себя и этот номер не пройдет, но они сделали вид, что ничего не заметили.

Однако в Госкино нам опять сказали: непонятно, о чем фильм. Я пояснил, что это комедия. Чиновники удивились: почему же тогда не смешно? Пришлось пояснить, что это лирическая комедия. Нам велено было обозначить это в титрах. Так возник новый жанр...

— Никиту Михалкова, которого ныне называют олигархом нашей культуры, мастера, снявшего «коронованные» картины, трудно представить Колькой из «Я шагаю по Москве». Как он попал в фильм? И легко ли было с ним работать?

— Началось все не очень здорово. Никиту мне предложил его старший брат Андрион. Я сначала засомневался — маленький еще, подросток, не годится. Однако когда появился на съемочную площадку такой верзилка с меня ростом, часть сомнений отпала. Потом Никита вдруг начал выдвигать финансовые требования — ведь он играет главного героя. Мы решили от него отказаться. И вдруг скупая слеза поползла по лицу Никиты, он стал просить оставить его. Оказывается, это опытный Андрион подучил младшего брата, как побольше денег заработать... Оставили. И очень хорошо нам вместе работало.

Однажды после тяжелого съемочного дня возвращались вместе. Сначала решили завестись Никиту на улице Воровского. Было ужасно холодно. Я попросил Никиту вынести граммов сто водки, иначе простужусь. Было уже около полуночи, и в чужой дом в такое время заходить неприлично. Никита вынес мне от души — полный стакан. А через несколько дней меня встретил его папа, Сергей Владимирович Михалков, и ужасно ругался. Оказывается, я его чуть до инфаркта не довел. Представьте, ребенок вошел на цыпочках в комнату, открыл бар, налил водку и на цыпочках ушел. Отец думал, что пропал мальчик, по ночам стаканом водку пьет...

Никита для меня так и остался Колькой из того фильма. Тем более что назвали мы своего героя в честь моего сына, которого уже нет с нами.

— Как приняли фильм критики и просто москвичи?

— Мнения были самые разные. Кто-то из коллег обвинил нас в конъюнктуре — дескать, подсуетились, сделали фильм про славную советскую действительность. Писатель Владимир Максимов сказал даже, что руки нам теперь не подает. Гена Шпаликов очень расстроился. Для меня было важно, что фильм понравился Ромму, Бондарчуку, Конецкому, людям, чьи мне

я очень высоко ценил. И моему отцу, на похвалу очень скупому, на этот раз угодил. Про картину «Сережа» он сказал: «Так себе». Мама потом объяснила — фильм папе понравился. Про «Путь к причалу» тоже — «так себе». А про «Я шагаю по Москве» отец сказал: «Ничего». Мама объяснила — очень понравился. Ему было приятно, что Колька, как и он, метростровец.

После выхода фильма было очень много писем. К моему удивлению, больше всего писали из тюрем и лагерей. Благодарили: «Спасибо вам за глоток свежего воздуха».

Но я очень огорчился, когда получил письмо от девушки из одного далекого городка. Посмотрев нашу картину, она накопила денег и поехала в Москву — красивый и добрый город. В гостиницу не попала, ночевала на вокзале, деньги украли, забрали в милицию как проститутку... Я редко отвечаю на письма, но ей ответил. Написал, что жизнь разная. Этот фильм — о хорошем, поэтому Москву мы показали такой приветливой. Но, к сожалению, она бывает и другой — вам не повезло...

Девушка ответила: то, что с ней случилось в Москве, она уже начала забывать, а фильм помнит и с удовольствием посмотрит еще раз. «Спасибо вам, — написала она, — что вы придумали эту сказку».

— Георгий Николаевич, вы любите смотреть свои фильмы?

— По телевизору — нет. Реклама их убивает. А вообще время от времени возникает потребность посмотреть какое-нибудь из своих творений. Например, был момент, когда смотрел несколько раз подряд «Кин-дза-дза».

— Ваши комедии стоят в кинематографе особняком. Иногда их называют притчами. Как вы сами относитесь к жанру комедии?

— К какому жанру причислить «Калину красную» Шукшина или «Листопад» Иоселиани? Главное — в них заключен юмор размышлений о жизни. А юмор может быть и грустным. Поставьте микрофоны в залах, где показывают «Калину красную» и какую-нибудь простенькую рядовую комедию, запишите реакцию зала. Думаю, что по количеству смеха и слез победит «Калина красная».

— Ваших героев часто называют эталонами. Как вы сами относитесь к жанру комедии?

— К какому жанру причислить «Калину красную» Шукшина или «Листопад» Иоселиани? Главное — в них заключен юмор размышлений о жизни. А юмор может быть и грустным. Поставьте микрофоны в залах, где показывают «Калину красную» и какую-нибудь простенькую рядовую комедию, запишите реакцию зала. Думаю, что по количеству смеха и слез победит «Калина красная».

— Ваших героев часто называют эталонами. Как вы сами относитесь к жанру комедии?

— Говорят, когда Бог лепил человека по образу и подобию своему, ему лучше всего удавались «раздолбаи». Вот и мне симпатичны люди добрые, простодушные, пьющие с ладони вино, видящие мир неиспорченными глазами ребенка, способные быть на бессрасудные поступки. Может быть, поэтому один из самых моих любимых фильмов — «Не горюй!».

...Невероятно перепугано все в фильмах Данелии: смешное и грустное, правда и вымысел. Вспомним сцену из фильма «Не горюй!» — эпизод поминки, которые устраивает на исходе дней своих старик Ливан. «Покойник» слушает надгробные речи, подвыпившие гости поют и танцуют, забывая о «покойном». А старик смотрит на все это, и такие противоречивые чувства переполняют его: и горечь расставания с жизнью, и радость последней встречи с друзьями. А по пустынно осеннему винограднику идут дети, сгибаясь под тяжестью кувшина с вином.

— В образной философии моих фильмов вино занимает особое место, — поясняет Георгий Николаевич. — Это не алкогольный напиток определенной крепости, а сок земли, ее животворящая кровь, мудрость, взятая из самой жизни. Именно поэтому я включил в эту сцену гимн «Виноградная Грузия». Этой и другими своими картинами я хотел передать ощущение полноты и неистребимости жизни, неизбежности победы добра в человеке...

— Что помогло и помогает вам в самые трудные минуты жизни? Есть ли у вас еще какое-нибудь лекарство от стрессов кроме собственных фильмов?

— Мне всегда помогала семья. Мои друзья, которых я очень любил. С Виктором Конечким мы не могли часто встречаться, жили в разных городах, но регулярно перезванивались. Иной раз, когда на душе кошки скребли, поговорить с Конечким, юмор и оптимизм которого всегда были неистощимы, и сразу мир кажется более добрым и светлым. Когда Конечко-го не стало, я просто иногда беру в руки томик его рассказов и читаю целый вечер. Это как сеанс психотерапии или доброй магии...

Еще помогает Москва, которую я очень люблю. Окна моей квартиры выходят на Чистые пруды. Здесь я часто гуляю, и природа, зелень, вода, старые дворики и особнячки — все это умиротворяет и дарит успокоение...

Татьяна ХАРЛАМОВА